

*О. АНАНЬИН,
кандидат экономических наук,
зав. кафедрой экономической
методологии и истории ГУ–ВШЭ,
руководитель Центра ИЭ РАН*

КАРЛ МАРКС И ЕГО «КАПИТАЛ»: ИЗ ДЕВЯТНАДЦАТОГО В ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК*

«*Капитал*» — главный труд Карла Маркса и одна из самых влиятельных книг в истории человечества. Со времени своего формирования в середине XIX в. идеи «Капитала» направляли действия политических лидеров и общественных движений, стали реальным фактором истории, особенно в XX в. Не случайно на исходе этого столетия в Интернет-рейтинге корпорации «ВВС» именно Карл Маркс занял первое место среди великих мыслителей второго тысячелетия — впереди Ньютона и Эйнштейна.

Впрочем, у влиятельности есть и обратная сторона. В современном общественном сознании идеи Маркса неразрывно слились с историческими событиями, которые так или иначе, по праву, недоразумению или злему умыслу, оказались связанными с его именем. И великие свершения, и чудовищные злодеяния XX в. охотно записывались соответственно поклонниками и ненавистниками на его счет. В результате отношение к Марксу порой формируется «заочно», в зависимости от отношения к тем или иным событиям, фактам или фигурам: от симпатии или антипатии к Советскому Союзу или царской России, к Ленину или Сталину, Мао Цзэдуну или Че Геваре.

Но судить о Марксе по поступкам его очень разных последователей — гениальных и посредственных, добрых и злых — по меньшей мере рискованно. «Капитал» Маркса — как раз та классика, с которой лучше знакомиться из первых рук! Иначе не избежать плена случайных интерпретаций.

«Капитал» и судьбы марксизма

Русский перевод I тома «Капитала» вышел в 1872 г., всего через пять лет после немецкого оригинала, и это был его первый перевод

* Статья основана на предисловии к новому изданию «Капитала» в рамках серии «Антология экономической мысли» издательства «ЭКМО».

на иностранный язык. В России знакомство с «Капиталом» началось с курьеза. Царский цензор, от которого зависела судьба русского перевода I тома «Капитала», разрешил публикацию книги, пояснив в своей резолюции, что «ее немногие прочтут в России, и еще меньше поймут ее»¹. И ошибся. На рубеже XIX—XX вв., в критическую для страны эпоху, идеи Маркса нашли широкий отклик среди интеллигенции и послужили точкой отсчета в спорах об исторических судьбах России. С тех пор они стали частью интеллектуального багажа целого спектра российских политических движений: от либералов и социал-демократов до коммунистов и народников². Сложилась плеяда крупных мыслителей, строивших свои концепции целиком или в значительной степени на идеях Маркса. Среди них были такие разные люди, как Г. В. Плеханов и М. И. Туган-Барановский, В. И. Ленин и П. Б. Струве, А. А. Богданов и Н. И. Бухарин.

Наша страна и в дальнейшем играла ключевую роль как в судьбе литературного наследия Маркса, в том числе связанного с «Капиталом», так и в распространении марксизма в мире. Значительная часть архива Маркса, начиная с 1920-х гг., хранилась в Москве; здесь же был создан Институт Маркса и Энгельса (позже ИМЭЛ: Институт Маркса—Энгельса—Ленина), занимавшийся изучением его творчества; здесь готовились к печати первые издания предварительных рукописей «Капитала», послуживших одним из факторов новой волны интереса к Марксу в мире во второй половине XX в.; здесь печатались и отсюда распространялись по всем континентам сочинения Маркса на десятках языков мира.

Все это было возможным, потому что в Советском Союзе марксизм стал частью государственной идеологии. Ссылками на сочинения основоположников марксизма обосновывались важнейшие экономические и политические решения, произведения Маркса и Энгельса издавались массовыми тиражами и изучались во всех учебных заведениях. В особенности это касалось курсов экономической теории, основу которых составляло адаптированное изложение «Капитала».

Результат получился неоднозначным. С одной стороны, о Марксе и «Капитале» слышало все образованное население страны, а марксистская фразеология вошла в повседневный язык. Но это было «шапочное» знакомство. Оно базировалось на крайне упрощенной, если не сказать примитивной, версии марксизма, к тому же дополненной идеологическими установками, объяснявшими текущую политику «партии и правительства». Тем, кто пытался самостоятельно разбираться в сложных вопросах социальной действительности, такой марксизм был бессилён помочь. Это вызывало естественную реакцию отторжения. Для многих марксизм стал синонимом пустой навязчивой пропаганды,

¹ Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 7. (Цит. по: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР. М.: ИПЛ, 1969. С. 49.)

² Возникнув в дореволюционной России, это явление получило развитие и в России современной, о чем свидетельствует, например, дискуссия «Марксово наследие и современная экономическая наука» в журнале «Вопросы экономики», состоявшаяся в 2004—2005 гг. с участием экономистов и философов разных идейно-политических убеждений: либеральных, социал-демократических и коммунистических (См.: Вопросы экономики. 2004. № 5—7, 9—10; 2005. № 1—2).

что впоследствии — в постперестроечное безвременье — послужило питательной почвой антимарксистских настроений. С другой стороны, сочинения Маркса, в том числе «Капитал», были общедоступным и официально признанным образцом теоретической мысли, что, естественно, мотивировало пытливые умы обращаться к текстам самого Маркса, искать и находить в них ответы на те вопросы, о которых умалчивала официальная пропаганда.

Именно освоение «Капитала» служило основой возрождения творческой мысли в советском общественном сознании 1950—1960-х годов. Такой путь прошли выдающиеся философы А. А. Зиновьев и Э. В. Ильенков, Г. П. Щедровицкий и М. К. Мамардашвили, знаменитые психологи А. Н. Леонтьев и С. Л. Рубинштейн, известные политико-экономы Г. А. Цаголов и Я. А. Кронрод, В. П. Шкредов и А. К. Покрытан. Эти исследования иногда несколько раздвигали узкие рамки официальной доктрины, но чаще вступали с ней в конфронтацию, порой выталкивая авторов в ряды диссидентов. Поэтому даже диссидентство в СССР в немалой своей части было марксистским и строилось на противопоставлении официальной идеологии и «аутентичного» Маркса.

На Западе восприятие Маркса прошло иную, но не менее сложную эволюцию. В конце XIX и самом начале XX в. Маркс был известен скорее как идеолог рабочего движения, чем ученый. Его лучше знали в политических кругах левого спектра, чем в академической среде; в Германии и Центральной Европе, чем в англосаксонском мире. Лидеры тогдашней академической науки, за исключением австрийца О. Бём-Баверка и итальянца В. Парето, полемику с Марксом к числу своих актуальных задач не относили.

После утверждения в России советской власти отношение к Марксу стало моментом общего идеологического противостояния капитализма и социализма. Это придало теме марксизма дополнительный вес, но одновременно еще больше ее политизировало. Западно-европейские коммунисты и социал-демократы стремились по-своему развивать марксистскую теорию, а их оппоненты из консервативного лагеря — доказывать ее несостоятельность.

В 1930-е годы, в период Великой депрессии и общего «полевения» общественных предпочтений во многих западных странах, интерес к марксизму возрос, а левые настроения среди интеллектуалов-гуманитариев способствовали активизации марксистской мысли в академической среде. Наиболее существенные изменения в восприятии Маркса произошли в 1960-е годы на подъеме движения «новых левых», особенно в связи с революционными событиями 1968 г. во Франции и ряде других западно-европейских стран. «Новые левые» противопоставляли себя не только «правым», или западному «истэблишменту», но и «старым левым», то есть традиционным западным компартиям вместе с правящими партиями соцлагеря. Догматический «марксизм-ленинизм» они отвергли. Им нужны были новые идеи, способные объяснять меняющуюся действительность. Эти поиски вновь привели к Марксу, но иначе прочитанному и понятому. Идейными вдохновителями «новых левых» стали такие мыслители, как Д. Лукач и Г. Маркузе, М. Фуко и Л. Альтюссер.

Фигура Маркса-мыслителя предстала в новом свете, освободившись от стереотипного образа экономического детерминиста. Этому в немалой степени способствовали публикации его рукописного наследия, как раннего периода (прежде всего «*Экономическо-философские рукописи 1844 г.*»), так и периода творческой зрелости, когда Маркс работал над «Капиталом». Особое значение имел знаменитый «*Grundrisse...*» — черновой вариант «Капитала» 1857—1859 гг. Эти публикации не только ввели в творческую лабораторию Маркса и показали процесс вызревания его взглядов, но и существенно обогатили представление о его теории. Спустя почти столетие после смерти автора исследователи выявляли все новые пласты в знакомом, казалось бы, интеллектуальном продукте.

Нахлынувшая вслед за событиями 1968 г. постмодернистская волна заметно изменила ситуацию во многих социальных науках на Западе. Прежние авторитеты отошли в тень, возникло множество новых школ и подходов, среди которых заметное место заняли различные марксистские и неомарксистские течения. Маркс занял почетное место среди классиков социологии, политологии, философии истории, его работы вошли в круг обязательного чтения студентов соответствующих факультетов.

Иначе обстояло дело лишь в той области, которой был посвящен главный труд Маркса — в экономической науке. Хотя среди западных экономистов после 1968 г. также выросло новое поколение марксистов, объединившихся в различные неомарксистские течения и группы, все это, однако, осталось за рамками «мейнстрима» — основного течения экономической науки, сохранившего контроль за основными институтами профессионального сообщества. «Мейнстрим» признает Маркса только в качестве персонажа учебников истории экономической мысли, где за ним закрепились отдельная глава и почетное место в тройке, пятерке или десятке крупнейших экономистов прошлого — по вкусу авторов учебников. Предполагается, что для современного экономиста знание Маркса — это вопрос эрудиции, но не профессии.

После распада Советского Союза и соцлагеря даже такое место Маркса в истории экономической науки стало оспариваться. В 1995 г. ведущий историко-экономический журнал «*History of Political Economy*» опубликовал специальную подборку под общим заголовком: «Определяя место Маркса после падения берлинской стены». Заглавная статья этой подборки начиналась с утверждения, что во взгляде историков экономической науки на Маркса как крупную фигуру, достойную отдельной главы, «есть нечто странное», поскольку на основные направления развития науки «его труды никогда не имели заметного влияния». Вывод автора выражался почти афоризмом: «новое (у Маркса. — О. А.) не было полезным, а полезное было попросту переложением известных идей в новых терминах». Соответственно изучать теорию Маркса, по его мнению, нужно лишь для того, «чтобы установить, что она была действительно тупиковой».³

³ Brewer A. A Minor Post-Ricardian? Marx as an Economist // *History of Political Economy*. 1995. Vol. 27, No 1. P. 111, 139, 141.

Хотя в этой дискуссии никто, даже близкие к мейнстриму историки, такие, как Т. Негиши и С. Холландер, не поддержал оценок заглавной статьи, эти оценки вполне представительны и весьма показательны. Они представительны как мнение, разделяемое сегодня многими экономистами-исследователями; показательны — как индикатор сдвигов в представлениях об экономической науке, произошедших за сто лет после выхода «Капитала».

Т. Негиши в своей статье-отклике резонно уточнил: «Маркс не оказал влияния на развитие нынешнего мейнстрима экономической науки, соответственно марксистская экономическая теория развивалась независимо от неоклассического мейнстрима... Теория Маркса тем не менее полезна, поскольку напоминает о том факте, что неоклассическая экономическая теория не тождественна экономической теории вообще и представляет собой только одну из ее парадигм и что успехи неоклассической теории в выдвижении интересных теоретических утверждений достигнуты, по крайней мере частично, за счет отвлечения от исторических, социологических и политических аспектов экономических проблем»⁴.

Так что если экономическая наука — это теоретическое описание достаточно искусственного мира, не имеющего прямого отношения к действительности, то Маркс — фигура для нее посторонняя. Если же экономическая наука — это способ осмысления меняющейся экономической реальности, то Маркс — ее, возможно, самый актуальный классик, сумевший в экономике XIX века разглядеть тенденции, которые стали ведущими в экономике XXI в.

Политэкономия по Марксу: теория капитализма и критика экономического разума

В политическую экономию Маркс пришел из философии. Пришел именно потому, что философия, которую он исповедовал, была «посюсторонней», деятельной — философией практики, по определению Антонио Грамши. Маркс хотел понять, как работает и куда идет буржуазное общество, или, пользуясь его собственным выражением, открыть «экономический закон движения современного общества»⁵.

Политическая экономия привлекла внимание Маркса еще в 1840-е годы, когда он нашел у Адама Смита набор идей, созвучный его собственным опыту и мироощущению⁶. Смит указывал на конфликтность интересов разных общественных классов, прежде всего работников и владельцев капитала, на уязвимость положения работников в этом конфликте, на то, что капитал — это накопленный труд, а прибыль, то есть доход с капитала, — вычет из продукта труда производительных работников. Тогда же молодой Маркс пришел к убеждению, что путь к избавлению от несправедливостей современного ему общества лежит через упразднение их общего основания — частной собственности.

⁴ *Negishi T.* Comment // *History of Political Economy.* 1995. Vol. 27, No 1. P. 184.

⁵ Предисловие к первому изданию I-го тома «Капитала» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 10.

⁶ Подробнее о раннем периоде жизни и творчества Маркса см.: *Латин Н. И.* Молодой Маркс. М.: ИПЛ, 1968.

Однако к систематической работе в области политической экономии Маркс приступил уже в Лондоне, когда после поражения революции 1848 г. он стремился осмыслить ее уроки, понять, почему не оправдались его ожидания близкой гибели капитализма.

Решая свою задачу, Маркс опирался на теоретические заделы классической политической экономии: на идеи Смита и Рикардо, их предшественников, последователей и оппонентов. Три массивных тома комментариев к трудам политико-экономов на пяти языках, составившие «Теории прибавочной стоимости», — свидетельство уникальной эрудиции, приобретенной Марксом на этом пути.

Первоначальный вариант будущего «Капитала» был написан в конце 1850-х годов, тогда же, в 1859 г., Маркс опубликовал первый фрагмент своего труда под заголовком «К критике политической экономии». Следующий этап работы над рукописью пришелся на середину 1860-х годов, когда были подготовлены все основные материалы, впоследствии составившие «Капитал». Первый его том, как уже отмечалось, вышел в свет в 1867 г. В дальнейшем Маркс неоднократно возобновлял работу над II томом, но состояние здоровья и другие занятия не позволили завершить эту работу. После смерти Маркса Ф. Энгельс на основе оставшихся рукописей опубликовал II и III тома «Капитала» соответственно в 1885 и 1894 гг. Задуманный Марксом IV том «Капитала» под заголовком «Теории прибавочной стоимости» увидел свет в редакции одного из лидеров немецкой социал-демократии К. Каутского уже в начале XX в. (в 1905—1910 гг.). Экономические рукописи 1857—1859 гг. на языке оригинала были опубликованы ИМЭЛ перед самой войной, в 1939—1941 гг., а их русский перевод задержался еще на четверть века.

В «Капитале» Маркс решал необычную научную задачу — выстраивал теорию капитализма как *развивающегося объекта*. В сжатом виде метод Маркса можно охарактеризовать как построение системы «встроенных» одна в другую теоретических моделей разного уровня общности и анализ этих моделей для выявления не только внутренней логики их функционирования, воспроизводящей относительно устойчивые связи и закономерности в объекте (что характеризует любую теоретическую модель), но также их внутренних противоречий. Последние рассматриваются как источники возможного роста и усложнения системы или, наоборот, наиболее вероятные угрозы для ее нормального функционирования. Основанием для увязки теоретических моделей между собой служит онтологическая схема генетического развития (самопорождения) системы — основа принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Противоречия системы, как правило, выступают в форме классовых антагонизмов, в основании которых лежат закономерности и тенденции движения материального субстрата экономических процессов (динамика производственных пропорций, затрат, технических условий и т. п.). Общая картина развивающегося объекта возникает в результате наложения факторов динамики на модели функционирования системы.

Вклад Маркса в экономическую науку можно мерить разными мерками. Во-первых, он выступил *продолжателем* традиции классической

школы на этапе «доставления» ее здания. Понятия товара — рабочей силы, прибавочной стоимости, резервной армии труда и особенно знаменитые схемы воспроизводства — характерные примеры продвижений по этой линии. Он был, по-видимому, первым, кто отреагировал на ключевую проблему, намеченную исторической школой, предложив способ сочетания теоретического задела классической школы с принципом историзма. Его решение включало два главных момента. Прежде всего Маркс свел разнообразие институтов в пространстве к их разнообразию (изменчивости) во времени. Если исторический процесс — это *естественно-исторический* процесс, то есть он следует некоторым естественным закономерностям, то институциональное разнообразие экономических систем национальных государств — не что иное, как проявление *неравномерности* прохождения этими странами одних и тех же фаз универсального в своих основных чертах процесса исторического развития. «Страна, промышленно более развитая, — писал Маркс — показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁷. Кроме того, с помощью принципа историзма он ограничил степень общности экономического знания: экономические законы не всеобщие, но они реальны и действуют на протяжении отдельных фаз исторического процесса, соответствующих периодам господства отдельных общественно-экономических формаций. Как следствие, классическая политэкономия переосмысливалась как политэкономия в узком смысле слова, относящаяся только к капитализму.

Во-вторых, Маркс заявил о себе как *критике* классической школы (отсюда подзаголовок «Капитала» — «Критика политической экономии»), что, по Гегелю, означало установку на выявление границ познания на данной теоретической базе и поиск путей выхода за эти границы. Маркс сместил фокус внимания с равновесного распределения доходов, как это было у Рикардо, на производственные отношения между классами, что наряду с доходами включало распределение накопленного богатства и власти. Так, в теории товарного фетишизма рыночная конкуренция выступает у него не только в своей стандартной роли — как предпосылка уравнивания спроса и предложения, — но и в качестве механизма социального расслоения. Другой пример — разграничение формального и реального подчинения труда капиталу, с помощью которого Маркс ввел отношения власти как функцию вещественной формы капитала: труд ремесленника, работающего по найму, мало отличается от труда индивидуального товаропроизводителя, тогда как фабричный труд полностью подчинен капиталу, материализованному в системе машин, и превращает рабочего в придаток машины.

В-третьих, в своей критической позиции Маркс выступал не только как политэконом, но и как философ экономики. Согласно формуле философа Вадима Межуева, «Капитал» — это «критика экономического разума»⁸. Из отдельных экономических понятий и теорий Маркс выстраивает общую философско-историческую концепцию, представляющую капитализм тотально рыночным обществом, под-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 9.

⁸ См.: Марксово наследие и современная экономическая наука // Вопросы экономики. 2005. № 1. С. 115.

чиненным сугубо экономическому мотиву и именно по этой причине исторически преходящим. Соответственно он критикует классическую политическую экономию за то, что она принимает капитализм как естественное состояние общества и не способна увидеть его историческую ограниченность.

Результаты, полученные Марксом на каждом из этих направлений, различаются по своему научному статусу, масштабам обобщения и обществу резонансу. Чем шире понимается экономическая наука, тем значительнее оказывается для нее фигура Маркса. И наоборот, если под наукой подразумевается абстрактная формализованная теория, то вклад в нее Маркса гораздо скромнее, и значительная часть его достижений попадает в видение других отраслей общественности.

С этим связаны и оценки Маркса-теоретика по критериям научности. С тех пор, как он работал над «Капиталом», изменились представления не только об *экономической* науке и ее предметной области, но и о *науке вообще*, ее задачах и методах, границах познания и критериях истины.

Большая часть критики в адрес экономической теории Маркса касалась двух тем: так называемого противоречия между I и III томами «Капитала» и закона, регулирующего динамику нормы прибыли. Обе темы существенно важны для теоретической системы Маркса: в первом случае речь идет о логическом единстве «Капитала», во втором — об одном из главных, к тому же эмпирически проверяемых, обобщений теории и одновременно основании философско-исторического вывода о преходящем характере капитализма. Оба случая объединяет, однако, то, что претензии к Марксу были оторваны от реального историко-научного контекста.

Вопрос о «противоречии» между томами «Капитала» возник из-за того, что равновесные рыночные цены определены в них по-разному: в I томе, согласно трудовой теории стоимости, эти цены пропорциональны затратам живого и овеществленного труда, а в III томе — в соответствии с понятием «цены производства» — пропорциональны сумме издержек производства и средней прибыли. Причем последняя версия отвечает стандартному подходу классической школы. Для Маркса это был аналитический прием: сначала стоимостные отношения рассматриваются для двухфакторной экономики с недифференцированными трудом и капиталом, затем вводится фактор дифференциации капиталов и конкуренции между ними — тогда и появляется более конкретное понятие цены производства.

Критика велась по двум линиям. Эмпирическая критика исходила из того, что фактические рыночные цены тяготеют к ценам производства (чего Маркс не отрицал), и на этом основании теорию III тома признавала эмпирически подтвержденной, а теорию I тома — опровергнутой. Логическая критика опиралась на возможность аналитического выведения цены производства без обращения к трудовым стоимостям и, соответственно, объявляла трудовую теорию стоимости логически избыточной.

В обоих случаях критика рассматривала трудовую теорию стоимости как гипотезу, объясняющую цену рыночного равновесия, и опро-

вергала ее в одном случае как не подтвержденную эмпирически, в другом — как излишнюю теоретически. Между тем для Маркса трудовая теория стоимости — это не только объяснение равновесных цен и уж вовсе не гипотеза, подлежащая прямой эмпирической проверке. Свою теоретическую систему он строит по аналогии с гегелевской системой, стремясь объяснить с ее помощью общую логику функционирования и развития капитализма. Трудовая стоимость (наряду с потребительной) служит исходным пунктом всей системы. Трудовая субстанция пронизывает всю систему, включая и распределительные отношения, и воспроизводственные процессы, и накопление капитала. Это *подход* к интерпретации действительности, *ракурс* ее описания. Следует согласиться с нобелевским лауреатом Амартией Сеном, который подчеркивал, что трудовая теория стоимости — это описательная (а не метафизическая) теория в том смысле, что она описывает экономику с точки зрения личного деятельного участия людей в производстве товаров⁹. В современной методологии науки подобные понятия принято относить к «жесткому ядру» научно-исследовательской программы — постулатам, не требующим доказательств. Их принимают или отвергают вместе со всей теоретической системой.

Словом, критики склонны были подменять объект анализа: вместо теоретической системы Маркса в целом — выхватывать ее элементы, проще интерпретируемые в терминах позитивистской науки.

Полемика вокруг Марксова закона тенденции нормы прибыли к понижению интересна как раз тем, что речь идет о таком теоретическом обобщении, которое сформулировано на языке, близком к канонам позитивистской науки: выведено логически и содержит эмпирически проверяемую гипотезу. Новизна Марксова закона касалась *факторов* динамики нормы прибыли, а не самого факта долговременной понижательной тенденции этой нормы — веру в ее реальность Маркс унаследовал от своих предшественников, прежде всего Рикардо. Слово «тенденция» в названии закона указывает на обусловленность его действия наличием соответствующих предпосылок. Механизм действия закона, предложенный Марксом, парадоксален и контринтуитивен: стремление каждого капиталиста к *увеличению* прибыли за счет снижения издержек производства на основе технического прогресса, ведущего к росту капиталовооруженности труда, должно вести к *снижению* средней нормы прибыли по народному хозяйству.

Аргументы критиков и в этом случае имели как эмпирический, так и логический характер. В качестве эмпирического опровержения выдвигался перелом динамики нормы прибыли после Первой мировой войны, когда следом за периодом ее падения наступила продолжительная фаза ее роста, так что в целом за более чем сто лет ее уровень практически не изменился¹⁰. Современные исследователи-марксисты резонно отвечали, что, во-первых, временный перелом тренда не опровергает закона, который с самого начала формулировался как закон *тенденции*, а не абсолютный закон, и что, во-вторых, перелом тренда в самом деле

⁹ См.: Sen A. On the Labour Theory of Value: Some Methodological Issues // Cambridge Journal of Economics. 1978. Vol. 2, No 1. P. 177.

¹⁰ См.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 230–231.

был временным, приходился на специфическую эпоху, включавшую Великую депрессию 1930-х годов и Вторую мировую войну, а бóльшую часть рассматриваемого периода (1869–1910 и 1950–1992 гг.) экономический рост происходил «по Марксу»: органическое строение капитала росло, а норма прибыли снижалась. Это тот случай, когда цифры говорят сами за себя (см. табл.).

Т а б л и ц а

Среднегодовые приросты (данные по США, в %)

	1869–1910 гг.	1910–1950 гг.	1950–1992 гг.	1869–1992 гг.
Органическое строение капитала	0,97	-1,39	0,88	-0,05
Норма прибыли	-1,66	1,40	-0,88	0,05
Норма прибавочной стоимости	-0,38	0,01	-0,01	-0,01

Источник: Duménil G., Lévy D. The Dynamics of Historical Tendencies in Volume III of Capital: An application to the US economy since the Civil War // Marxian Economics: A Reappraisal. Essays on Volume III of Capital. Vol. 2: Profits, Prices and Dynamics / R. Bellofiore (ed.) Basingstoke: Macmillan, 1998. P. 214.

Наиболее поучительна логическая критика закона. Закон выводится формально логически из принятых Марксом определений и предпосылок¹¹: если норма прибыли $r = \frac{m}{c+v} = \frac{m/v}{c/v+1}$, то при постоянстве нормы прибавочной стоимости (m/v) и росте органического строения капитала (c/v) норма прибыли должна падать.

Первым, кто не принял контринтуитивного вывода Маркса, был, вероятно, М. И. Туган-Барановский. По его мнению, если отдельные капиталисты увеличивают свою прибыль за счет повышения производительности труда, то средняя прибыль должна расти¹². В дальнейшем эта интуиция оттачивалась рядом исследователей и получила каноническую форму в виде «теоремы Окисио», по имени японского марксиста Набуо Окисио. В своей статье 1961 г.¹³ он аналитически показал, что, при прочих равных условиях, рациональный капиталист применит только такое нововведение, распространение которого на всю отрасль приведет к росту, а не падению нормы прибыли. В основе «теоремы Окисио» лежало понимание того, что числитель и знаменатель формулы Маркса не являются независимыми друг от друга. Снижение издержек при росте органического строения капитала (и, следовательно, величины знаменателя) ведет к снижению стоимости жизненных средств, и поэтому при постоянстве уровня реальной заработной платы должно неизбежно — и вопреки предположению Маркса — привести к росту нормы прибавочной стоимости (то есть числителя).

¹¹ В формулах используются стандартные обозначения марксистских категорий: c — затраты постоянного капитала, v — затраты переменного капитала, m — прибавочная стоимость, r — норма прибыли.

¹² Впрочем, аргументация Туган-Барановского вряд ли могла убеждать специалистов, поскольку целиком базировалась на условном примере, предпосылки которого к тому же заметно отличались от принятых в «Капитале» (см.: Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. М.: Эдиториал УРСС, 2003 [репринт издания 1905 г.] С. 158–170).

¹³ Okishio N. Technical Changes and the Rate of Profit // Kobe University Economic Review. 1961. Vol. 7. P. 85–99.

Логика Окисио была безупречной, но... это была логика общего равновесия и сравнительной статики — методологическая норма неоклассики XX в. Чтобы приспособить теорию Маркса к этой логике пришлось ввести предпосылку, которой у Маркса не было, — постоянство реальной заработной платы до и после освоения технических нововведений. Стоило, однако, переосмыслить постоянство заработной платы как постоянство стоимости рабочей силы в терминах абстрактного труда, что соответствовало духу и букве теории Маркса, и обвинение в логической несостоятельности закона лишилось почвы¹⁴. Оставался, самое большее, упрек в нечеткой спецификации предпосылок.

Но правомерно ли вообще смотреть на *динамическую* теорию Маркса сквозь призму метода сравнительной статики, утвердившегося в рамках неоклассической традиции в качестве средства решения *статической* задачи эффективного использования наличных ресурсов? Радикальное «нет!» такому подходу говорит одна из новых неомарксистских школ, предложившая «темпоральную», или «временную» интерпретацию теории стоимости Маркса, в противовес более традиционной сравнительно-статической «одномоментной» интерпретации¹⁵. С таких позиций распространенное толкование этой теории, восходящее к работам наших соотечественников В. К. Дмитриева и Л. И. Борткевича, — это вневременные, или одномоментное ее толкование, при котором все экономические величины приводятся к одному и тому же моменту времени. Но в реальной жизни затраты и выпуски, как правило, отделены во времени и в динамичной экономике уровень цен за этот промежуток времени может меняться. По версии авторов, «темпоральная» интерпретация Маркса, допускающая разновременные цены, демонстрирует, что обе рассмотренные выше проблемы — «противоречие» между томами «Капитала» и логическое обоснование закона падающей нормы прибыли — оказываются псевдопроблемами.

Надо признать, что «темпоральная» интерпретация вызывает немало сомнений, в том числе среди марксистов. Многим она кажется излишне радикальным отходом от привычного (в сущности — равновесного) взгляда на экономическую теорию Маркса, а также на ее преимущество с классической политэкономией. Даже если тексты Маркса не исключают нового толкования (не будем забывать, что речь идет о III томе «Капитала», то есть о не отредактированной автором рукописи), они не содержат и прямых указаний в его поддержку.

Как бы, однако, ни сложилась полемика вокруг новых интерпретаций Маркса, важно другое. Их появление и характер свидетельствуют о том, что «Капитал» и в наше время будит творческую мысль, проявляя то же свойство, которое не раз отмечалось в отношении «Богатства народов» Смита. Это книга, в противоречиях и двусмысленностях которой гораздо продуктивнее искать не ошибки, а вопросы — постановку перспективных, но еще не вполне оформившихся научных задач. Во всяком случае именно Марксова теория накопления капи-

¹⁴ См., например: *Foley D. Understanding Capital: Marx's Economic Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

¹⁵ См.: *The New Value Controversy and the Foundations of Economics* / Freeman A., Kliman A., Wells J. (eds.) Cheltenham: Edward Elgar, 2004.

тала, несмотря на все критические стрелы, выпущенные в ее адрес за сто с лишним лет, послужила основой предвидений, все значение которых стало осознаваться только в наше время.

Послание в XXI век

У Маркса было два сценария эволюции капитализма, и каждый из них имеет прямые выходы на современность. Самый известный сценарий — предвидение грядущей антикапиталистической революции, выраженное чеканными строками двадцать четвертой главы I тома «Капитала»:

«Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют... Капиталистическое производство порождает... свое собственное отрицание. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»¹⁶.

Этот сценарий стал фоном для событий конца XX в., связанных с распадом Советского Союза и рыночными реформами в странах бывшего соцлагеря, — событий, которые послужили контрпримером, бросающим вызов философско-исторической концепции Маркса и соответственно поводом для переосмысления его места в истории. Упомянутая выше дискуссия в журнале «History of Political Economy» — характерная тому иллюстрация.

Впрочем, правомерно или нет «короткое замыкание» этих событий на Маркса — вопрос во многом идеологический и потому имеющий мало шансов на скорое решение. Во всяком случае уважаемый британский специалист по классической политэкономии С. Холландер счел нужным напомнить в ходе той же дискуссии, что марксистскому прогнозу противоречило скорее *утверждение* советской командной системы в начале XX века, чем ее *распад* в конце столетия, да и собственно советский опыт не может свидетельствовать против Маркса хотя бы потому, что никакого проработанного проекта коммунистического общества у него не было. «Отсутствие портрета Маркса на Красной площади, — резюмировал Холландер, — не основание для пересмотра историками марксистской экономической мысли своих исследовательских программ»¹⁷.

Если об актуальности сценария из I тома «Капитала» еще можно спорить, то второй сценарий Маркса и его поразительные параллели с экономикой конца XX — начала XXI в. говорят сами за себя. Речь идет о фрагменте рукописи первоначального варианта «Капитала», написанном в 1858 г. и посвященном роли науки в экономическом развитии. Этот удивительный документ, почти на сто лет опоздавший

¹⁶ Маркс К. Капитал. Т. 1: Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 773.

¹⁷ Hollander S. Comment // History of Political Economy. 1995. Vol. 27, No 1. P. 170.

к читателю и тем не менее казавшийся поначалу красивой сказкой, в конце XX — начале XXI в. вдруг стал восприниматься как сбывшееся пророчество, как очерк той самой *экономики, основанной на знаниях*, которая олицетворяет передовой эшелон современной экономики и служит прототипом ее обозримого будущего.

Сценарий Маркса — это смелая экстраполяция двух взаимосвязанных тенденций, которые он выделил в современной ему экономике XIX в.: вытеснение непосредственного труда из производственного процесса и расширение технологического применения науки. Первая тенденция в своем логическом развитии ведет к тому, что «человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик»¹⁸. Иначе говоря, Маркс рисует картину автоматизированного производства¹⁹, в котором на долю человека остаются информационные и организационно-управленческие функции. Маркс предвидит, что переход к такому типу производства будет сопряжен с кардинальными социально-экономическими последствиями: «труд в его непосредственной форме» перестает быть «великим источником богатства» и соответственно «рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства»²⁰.

Этот вывод, кроме прочего, лишает главной опоры всю классическую политэкономия, включая теорию, на которой построен «Капитал». Критика общества, основанного на эксплуатации труда, теряет актуальность, если сама эксплуатация становится ненужной. «*Кража чужого рабочего времени, на котором зиждется современное богатство*, — подчеркивает Маркс, — представляется жалкой основой в сравнении с этой недавно развившейся основой, созданной самой крупной промышленностью»²¹.

Обобщением второй тенденции становится переход роли главного источника богатства к научному знанию. Именно в этом контексте появляется крылатая фраза Маркса о превращении «*всеобщего общественного знания... в непосредственную производительную силу*»²².

Он пишет об экономике, в которой «изобретения становятся... особой профессией, а применение науки к непосредственному производству само становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов... По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства... является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение /знаний/, экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку»²³.

Если прежде экономический рост определялся преимущественно объемами вовлекаемых ресурсов труда и капитала, то новая экономика становится в значительной мере независимой от этих ограничений.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

¹⁹ «...средство труда проходит через различные метаморфозы, из которых последним является *машина*, или, вернее, *автоматическая система машин*» (Там же. С. 203).

²⁰ Там же. С. 214

²¹ Там же.

²² Там же. С. 215.

²³ Там же. С. 212, 221.

Что касается фактора «непосредственного труда», то его роль снижается, согласно Марксу, не только относительно постоянно обновляющейся техники, но и в производстве самой этой новой техники:

«По мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени... чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят скорее от общего уровня науки и от прогресса техники или от применения этой науки к производству»²⁴.

Падает и значение капитала как фактора роста, по мере того как на первый план выходит качественное совершенствование средств производства, а не наращивание их объемов. «С непрерывными успехами науки и ее применением, — пишет Маркс, — часть основного капитала, подлежащая постоянному и ежегодному возмещению, воспроизводится в более производительных формах; так что его простое воспроизводство связано с постоянным расширением его производительной силы»²⁵. Именно поэтому Марксова результирующая характеристика перехода к новой экономике указывает на то, что «меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости»²⁶.

Еще одним — наряду с наукой — решающим фактором богатства выступает организация производства. Непосредственный труд «превращается в... необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания, с одной стороны, точно так же, — продолжает Маркс, — как и по отношению к той всеобщей производительной силе, которая вырастает из общественного расчленения труда в совокупном производстве и выступает как природный дар общественного труда»²⁷.

Представления Маркса об экономике будущего как об инновационной экономике, экономике знаний предвосхитили не только шумпетеровскую теорию инновационного развития, появившуюся более чем на полвека позже²⁸. Они выводят на некоторые новейшие концепции, связывающие социально-экономический прогресс в XXI в. с сетевыми эффектами от постоянно меняющихся комбинаций разного вида ресурсов, прежде всего информационных и коммуникационных, в противовес традиционным концепциям, делающим упор на наращивание материально-ресурсного потенциала.

Значение наметившихся перемен Маркс связывал прежде всего с их социальными последствиями. Будущее общество, в котором «прибавочный труд рабочих масс перестал быть условием для развития всеобщего богатства», — это для Маркса общество, где «не-труд немногих перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

²⁵ Там же. Т. 49. С. 467.

²⁶ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 214.

²⁷ Там же. С. 207.

²⁸ Этот факт несколько не умаляет оригинальности вклада Шумпетера, чья «Теория экономического развития» была опубликована гораздо раньше, чем рукописи Маркса.

головы»²⁹. Иными словами, это общество, где антагонизм физического и умственного труда, о котором так много писали утописты, изживет себя объективно. Не вследствие целенаправленных усилий по созданию справедливого общества, а в силу неумолимой экономической логики развития производства! Вполне в духе современных теорий человеческого капитала Маркс замечает, что «с точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек»³⁰.

В своем втором сценарии Маркс не останавливается специально на том, какие социальные силы будут осуществлять переход к новой экономике и каким образом это должно произойти. Но это не делает сценарий менее радикальным. Капитализм, по Марксу, создает предпосылки для грядущих перемен, но не в состоянии реализовать их последовательно. «Капитал — пишет Маркс, — ...совершенно непреднамеренно — сводит к минимуму труд, затрату силы. Это пойдет на пользу освобожденному труду и является условием его освобождения». В другом месте он прямо пишет, что «рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд». В этих условиях «мерой богатства будет... уже не рабочее... а свободное время», соответственно условием реализации новых возможностей станет «свободное развитие индивидуальностей». Это позволит свести необходимый труд «к минимуму, чему... соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»³¹.

Адресат этого послания Карла Маркса — нынешнее поколение людей, те, кому предстоит обустраивать жизнь в обществе, основанном на знаниях, то есть — в терминах самого Маркса — в очередной раз приводить производственные отношения в соответствие с шагнувшими вперед производительными силами. Несмотря на прогресс экономической теории со времен Маркса, на значительное расширение ее предметной области и обновление ее научного инструментария, в таком сложном деле без внимательного изучения «Капитала» не обойтись!

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 214.

³⁰ Там же. С. 217.

³¹ Там же. С. 209, 214, 217.